

даже ненаучных данных, поскольку политическая мифология тоже является историческим источником и несет в себе подчас весьма важную для анализа информацию.

¹ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 5. Т. 9–10. История России с древнейших времен. М., 1990. С. 215–216.

² Там же. Кн. 6. Т. 11–12. М., 1991. С. 283.

³ Там же. С. 284.

⁴ *Кстати*, именно Стрюйс пустил в обиход легенду об утопленной персидской княжне, и, хотя рассказ этот не нашел исторического подтверждения, вероятно, некую несчастную пленницу тогда все же воры утопили. См.: История Астраханского края. Астрахань, 2000. С. 299.

⁵ *Неслучайно* на состоявшемся весной 1670 г. казацком круге в Паншином городке было принято решение: «Пойдем на бояр и на воевод на Волгу за то, что де бояре и воеводы нас голодом морят. А как на море и на Волге наперед сего были, и они, бояре и воеводы, нас имали и вешали и головы нам секли и в воду сажали». См.: Материалы по истории СССР. М., 1989. Вып. 3. С. 251.

⁶ *Хрестоматия* по истории Астраханского края. Астрахань, 1992. С. 83, 87, 96.

⁷ *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 6. Т. 11–12. М., 1991. С. 283, 290.

⁸ Там же. С. 291.

⁹ *С.М. Соловьев* считает эти сведения клеветой Федьки Шелудяки на Иосифа и Львова (Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 6. Т. 11–12. М., 1991. С. 311). Но если этому слуху поверили в Астрахани и за это дело казнили обвиненных, то, значит, у погибших действительно была возможность свободно сношаться с донскими казаками. А это в свою очередь указывает на то, что и Иосиф, и князь С.И. Львов в пределах самой Астрахани были относительно свободны.

¹⁰ *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 6. Т. 11–12. М., 1991. С. 283.

¹¹ См.: *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1989. Т. 3. С. 86–89.

¹² *Шукиши В.М.* Я пришел дать вам волю: Роман, повести. М., 2004.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ТРУДАХ В.Н. ТАТИЩЕВА

О.Б. Рослякова
(Россия, г. Астрахань)

Мы привыкли говорить о том, что Россия – многонациональная страна. Этнос большинством российских ученых понимается как исторически возникший вид устойчивой общности людей, объединенных общностью происхождения, территории, языка, культуры, представленный племенем, народностью, нацией. В этнографическом смысле термин «этнос» близок понятию «народ». Иногда под ним подразумевается сообщество нескольких народов (этнолингвистические группы) или же, наоборот, отдельные обособленные части внутри одного народа (этнографические группы).

Этническая карта нашей страны и ее культурное многообразие формировались на протяжении многих веков под воздействием ряда факторов: это и окружающая среда, и хозяйственная деятельность, и миграции, далеко не всегда мирная колонизация и завоевания, миссионерство... Российское государство в момент возникновения охватывало небольшую территорию на северо-востоке Русской равнины. За время становления Российской империи происходило постоянное присоединение территорий и разноплеменного, разноязыкого населения. Но царское правительство, как правило, старалось не нарушать сложившейся системы хозяйствования, традиционного быта, не вторгаться в вопросы вероисповедания вновь присоединенных народов. Территория России достаточно органично включала в себя новые образования, при этом, как правило, сохранялась специфика управления вновь присоединенных регионов.

Все эти вопросы находились в центре внимания известного государственного и политического деятеля России XVIII в. В.Н. Татищева.

Будучи по своим взглядам государственным человеком, который на первое место ставил решение государственных задач, В.Н. Татищев в своих донесениях постоянно указывал на тесную взаимосвязь экономики, социальной сферы и национальной политики. Объездив огромную территорию Российской империи, он стал практически единственным в дореволюционной литературе, кто связывал географическое зонирование с вопросами административного устройства. Его план деления территории государства не считался с существующим административно-территориальным делением, а предлагал кардинальное его исправление. Проект Татищева-чиновника был обращен прежде всего не к ученым для научного его исследования, а к властям для практического воплощения в жизнь¹.

В книге 1739 г. «Россия, или как ныне зовут Россия» (1739) и в рукописной программе к составлению «Введения к историческому и географическому описанию Великороссийской империи» В.Н. Татищев предлагал разделение России на губернии и провинции на иных, чем прежде, принципах. Принципы эти были не только хозяйственные: в соответствии с мультидисциплинарностью своего мышления В.Н. Татищев предлагал учитывать исторические, экономические, географические и национальные особенности территорий. Всего им было выделено 16 губерний (в европейской части – 14), разделенных, в свою очередь, на провинции (всего 62). Макрорайонами следует считать губернии. Губернии по степени их важности подразделялись на генерал-губернии. В.Н. Татищев предложил деление на Великорусскую, Поморскую, Ногайскую, Малороссийскую губернии, исходя из этнического принципа. Провинции Татищев тоже выделил «по национальному принципу, что видно уже из их названий, например, в Европейской России он выделяет провинции: Мордовскую, Черемисскую, Чувашскую, Башкирскую, Черкасскую, Киргизскую и другие», а в Сибири «выделил Горную и Заводскую часть, Вогулицкую, Удорскую (народ остяцкий), Якутскую» и многие другие².

Занимая государственные посты, В.Н. Татищев, помимо своей основной деятельности, должен был решать вопросы взаимоотношений с коренным населением той губернии, где он проходил службу.

Когда он находился на Урале, ему пришлось решать сложную проблему отношений с башкирами. Башкирия вошла в состав России в 1557 г., когда многие народы (от Северного Кавказа до Сибири) искали покровительства России от многочисленных внешних врагов. На первых порах народы, входившие в состав русского государства, сохраняли полный суверенитет в вопросах внутреннего устройства и практически не несли каких-либо издержек, например, на содержание русского войска, направляемого для их защиты. Со временем на них накладывался ясак, но он был намного меньше крестьянского тягла. Следует заметить, что инородное население в составе Российской империи пользовалось заметными преимуществами по сравнению с русскими крестьянами. Так, башкиры, насчитывавшие до ста тысяч человек, платили в 1734 г. ясака всего две тысячи, и те раскидывались на пришлое население.

Принятие российского подданства Младшим и частью Среднего казахского жуза в 1731 г. подталкивало правительство принять меры и по отношению к Башкирии. Из проектов В.Н. Татищева в отношении края видно, что основная задача – установление широких связей России с Казахстаном и Туркестаном, укрепление позиций государства в Башкирии, создание условий для успешной торговли с Востоком. По сути, это был план превращения Башкирии в плацдарм для дальнейшего продвижения России на Восток. В границах действия этого плана было завершено строительство Новой Закамской линии (1731–1736 гг.) и одновременно начато строительство Оренбургской пограничной линии закладкой Верхнеяицкой крепости и Оренбурга в 1735 г. За короткий промежуток времени (1735–1743 гг.) были построены десятки укреплений и крепостей.

Постепенное ослабление внимания правительства к учету этнических особенностей населения наложило определенный отпечаток на осмысление сущности и применение этнического фактора при разделении Российской Империи на хозяйствен-

ные районы. Это можно назвать в качестве одной из причин недостаточного учета этнического фактора в районировании хозяйства страны.

В.Н. Татищев постоянно настаивал на добром отношении к местному населению. Он пресекал злоупотребления русской администрации, возражал против практики, когда все коренное население рассматривалось как «неприятель», победа над которым «по праву войны» позволяла распоряжаться имуществом побежденных. После подавления башкирского восстания 1738 г. он настаивал на смертной казни русских офицеров, участвовавших в грабежах местного населения. За взятки, казнокрадство и грабеж башкирского населения был предан суду уфимский воевода Шемякин.

Политические интересы России требовали расширения связей со многими народами и возможного преодоления религиозных разногласий. В.Н. Татищев был весьма свободен в вопросах вероисповеданий и никак не страдал национальной ограниченностью. Где бы он ни находился, какие бы государственные посты он ни занимал, он старался привлекать к работе знающих людей, любой веры, любой национальности. Чрезвычайно смело ставит В.Н. Татищев вопрос о существовании в рамках государства различных религий и верований. В «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ» его собеседник ставит вопрос о том, что «разность вер в государстве вред наносит», историк замечает, что «некоторые политики ... толкуют, якобы государство, монархия от разности вер небезопасна»³. В наибольшей безопасности, по мнению В.Н. Татищева, находятся те государства, где царит веротерпимость. Многовековая история России свидетельствует, что различные веры никакого ущерба не приносят. Выступления же разных народов против правительства обычно носит не религиозный характер, а политический. Но предотвратить такого рода внутренние раздоры способны лишь просвещение и разумное законодательство, — замечает В.Н. Татищев⁴.

Большой интерес проявлял В.Н. Татищев к долговременным отношениям русского и нерусского населения в Российской империи. Ему приходилось решать сложные вопросы с народами, проживавших в тех землях, где волей судьбы оказывался В.Н. Татищев. Являясь губернатором Астраханского края, тесно общаясь с представителями разных национальностей населения Астрахани, хорошо осведомленный в вопросах политики России на Востоке, В.Н. Татищев прекрасно понимал значение русской ориентации на сближение русских властей с той или иной национальной верхушкой. В «Российской истории» и в других трудах В.Н. Татищева имеется много интересных материалов, что явилось следствием и отражением активизации русско-армянских отношений и дальнейшего усиления тяги армян к России. Проводя энергичную политику экономического укрепления Астраханского края, В.Н. Татищев последовательно осуществлял и политику поощрения переселения иноземцев, в частности представителей армянских торгово-промышленных кругов в Россию, и всячески способствовал этому переселению. В письме к Черкасову в 1745 г. В.Н. Татищев писал: «...что же об армянах упоминал, что я о их пользе и увольнении от магистрата старался, но по должности яко о пользе и государственной писать имел причину... Сие довольно видимо, что я их тем обнадежа знатных капиталистов в подданство российское призвал и фабрики знатно чрез них умножил»⁵.

В одном из документов, говоря о планах создания нового города в районе реки Орь в связи с обнаружением здесь соли и руд и описывая перспективы будущего города, В.Н. Татищев пишет: «Что же ко внутренней коммерции касается, то в новом городе у Орь реки и на Аральской пристани в скором времени распространяцца может... да из купечества сами для того способу на житье придут из разных городов и мест, лишь бы им пристойная привилегия пожалована была, а именно: бухары, хивинцы, индейцы, армяне и другие, а может быть и европейские иноземцы»⁶.

Все Татищев делал основательно, даже если исполнял какие-то обязанности временно. Так, например, его занимали долговременные отношения русского и нерусского населения в составе единого государства. Если правительство интересовало лишь отношения с феодальной верхушкой, то Татищев был озабочен установлением нормальных дружественных отношений между самими народами. Этой цели должно было служить взаимное овладение языками: русским и языком того или иного народа, проживающего на территории империи. В его трактате «Разговор двух приятелей

о пользе наук и училищах» доказывалась необходимость образованным людям знать не только древние и современные европейские, но и «подданных российских народов языки», среди которых, писал В.Н. Татищев, «нужнейшими почитаю три», а именно: татарский, «сарматский» (так он в совокупности именовал финно-угорские языки), калмыцкий. Для изучения этих языков, по мысли В.Н. Татищева, надо «училища устроить» в городах Поволжья, Приуралья и Сибири⁷.

Говоря о значимости изучения и преподавания языков народов Поволжья для научных целей и административных нужд, В.Н. Татищев подчеркивал, что «сия польза еще не так велика, как нужда в научении их закону христианскому». Набор в училища не должен был осуществляться по национальному признаку, а «нужно школы такие устроить, чтоб русские младенцы их языка, а их младенцы русской грамоте языка и Закона Божия учиться возможность имели, чрез что весьма удобно их всех вскоре в христианство и в благочестное житие привести и к домовному житию приучить»⁸. В.Н. Татищев ссылаясь на положительный опыт Швеции в деле просвещения лапландцев, которых «неусыпным духовных трудом многое число крещено и для них книги на их языке напечатаны», хотя этот народ «гораздо дичае, нежели мордва, чуваша, вотяки, тунгусы и пр.». Подданных России из народов Поволжья и Урала, «яко живущих деревнями, если бы токмо так ученые и прилежные духовные были, весьма легче научить и на путь спасения наставить, да неведующему языка их, хотя бы и лучший филолог или ритор был, ничего полезного учинить в них невозможно». Когда тех людей, которые «сами русского, а крестьяния их языка не зная, учили их через толмачей, и как те крестители ... в дома возвратились, так крещеные скоро все забыли, и что верят, не знают»⁹.

С именем В.Н. Татищева связывается появление в Самаре татарской и калмыцкой школ, где были преподавателями «студент калмыцкого языка» Иван Ерофеев и знаток татарского, арабского, персидского, турецкого языков Махмуд Абдурахманов. В них соблюдался татищевский принцип совместного обучения молодых людей разных национальностей. Правда, В.Н. Татищеву, отставленному от комиссии в 1739 г., до конца организовать работу школ не удалось.

Таким образом, можно отметить, что В.Н. Татищев являлся сторонником проведения гибкой политики по отношению к народам, населявшим Российскую империю. В них он видел равноправных подданных. За конкретными делами прослеживается программа складывания взаимоотношений с нерусскими народами, направленная на установление дружественных отношений, на постепенное приобщение к русскому образу жизни.

¹ *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 54

² Там же.

³ *Татищев В.Н.* Избранные произведения. М., 1979. С. 72

⁴ Там же. С.73

⁵ *Татищев В.Н.* Записки. Письма. 1686–1750. М., 1990. С. 67.

⁶ Там же. С.72

⁷ *Татищев В.Н.* Избранные произведения. М., 1979. С. 102–103.

⁸ Там же. С. 102–103.

⁹ Там же. С. 103–104.